

Л. Н. Чижикова

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Воронежская область, расположенная в пределах более обширной русско-украинской этноконтактной зоны, представляет значительный интерес для изучения закономерностей и тенденций развития этнических традиций, процессов культурного взаимодействия между разными этносами. Сложившиеся здесь группы русского и украинского населения не были однородными в этнокультурном аспекте, поскольку в их состав в период длительных миграционных движений вливались переселенцы различного социально-сословного статуса из разных мест России и Украины. Результатом сложных историко-социальных процессов явилось многообразие местных локальных вариантов бытовой культуры, сформировавшихся в разное время под влиянием комплекса факторов, взаимодействующих между собой. В статье рассматриваются тенденции этнического и культурно-бытового развития русского и украинского населения на территории современной Воронежской области со второй половины XIX в. до настоящего времени, процессы культурного взаимодействия между различными этническими группами населения¹.

Воронежские, как и другие земли центрально-земледельческого района, были древней территорией расселения славянских племен². В течение нескольких столетий здесь происходили столкновения земледельческого славянского населения с тюркоязычными кочевниками. В XIV—XV вв. эти районы были известны под названием «дикого поля» в связи с сильным опустошением их в результате ордынских нашествий. Однако в стороне от «татарских шляхов» отдельными островками могло уцелеть местное славянское население этого края³.

В начале XVII в. уже было много селений по берегу Воронежа, частично по Дону и Усмани. Систематическое заселение воронежских земель как русскими, так и украинцами происходит лишь во второй половине XVII—начале XVIII в., после того как на южных границах Русского государства была создана военно-сторожевая служба с системой оборонительных сооружений, сыгравших большую роль в освоении юга страны. Были построены города-крепости: в 1585 г. — Воронеж, в середине XVII в. — Ольшанск на речке Ольшанке, Коротояк и Урыв на Дону, Острогожск на Тихой Сосне. Примерно в то же время или несколько позже в этих районах постепенно возникают и сельские поселения. Здесь обосновывались русские служилые люди, беглые крестьяне и холопы из соседних, ранее заселенных мест, и более отдаленных, центральных районов России. Так, например, Коротояк и его ближайшие слободы были построены и заселены в 1647 г. детьми боярскими, казаками, стрельцами и пушкарями, переведенными из Ельца, Чернавска, Данко-

¹ Статья написана по материалам экспедиционных обследований сельских жителей Воронежской обл., проведенных сотрудниками Института этнографии АН СССР в 1977 и 1980 гг. в Нижнедевицком, Острогожском, Подгоренском и Павловском районах (б. Нижнедевицкий, Коротоякский, Острогожский, Павловский уезды Воронежской губернии). Используются данные переписей населения, литература, архивные источники, коллекции из фондов Государственного музея этнографии народов СССР (далее ГМЭ) и Воронежского областного краеведческого музея (далее ВОКМ).

² Москаленко А. Н. Славяне на Дону (боршевская культура). Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1981.

³ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 415—422.

ва, Ефремова, Талицы, Епифани и Лебедяни⁴. Нижнедевицкий уезд заселялся служилыми людьми из ближайших уездов Воронежской, Курской и Орловской, а также из Черниговской, Московской и других более отдаленных губерний⁵.

Большую роль в заселении южных районов Воронежской области играли переселенцы с Украины. Массовый переход украинцев в пределы русских земель объяснялся жесточайшим угнетением украинских народных масс польско-литовской и украинской шляхтой, особенно усилившимся во второй половине XVI в. после создания Речи Посполитой, в состав которой вошли центральные и западные районы Украины. Наиболее массовое переселение украинских казаков относится к 1652 г., когда около 1000 казачьих семей были размещены в городе-крепости Острогжеске, самом южном оплоте воронежских земель. В 1664 г. был образован Острогжский казачий полк⁶, к которому были приписаны все выходцы с Украины, поселившиеся к северу от Острогжска. Со временем к полку приписываются огромные территории к югу от Острогжска по правобережью Дона в бассейне Тихой Сосны, Черной Калитвы, Богучара и Айдара.

По мере укрепления южных рубежей России и уменьшения опасности набегов из Крымского ханства расширялось стихийное заселение Воронежской земли казенными и беглыми крепостными крестьянами, казаками, оставшими солдатами. Возникали селения двorcовых и монастырских крестьян. В XVIII в. происходила интенсивная помещичья колонизация. Если в северные и центральные районы современной Воронежской области с севера и запада двигалось русское население, то южные районы осваивались выходцами из правобережной и левобережной Украины⁷.

Интенсивное заселение Воронежской губернии продолжалось до 20-х годов XIX в. Позднее усиливаются обратные переселенческие движения из этой губернии на Кавказ, в Нижнее Поволжье, Южное Приуралье⁸.

Не было однородным сельское население и в социальном отношении. Сословные группы воронежского крестьянства феодального периода — однодворцы, экономические, двorcовые, помещичьи крестьяне, войсковые обыватели (бывшие украинские казаки) — отличались друг от друга характером землевладения, повинностей, размерами платежей в пользу государства и правовым положением⁹. Одной из наиболее многочисленных сословных групп русского населения Воронежской провинции, а затем губернии были однодворцы — потомки низших служилых людей, выполнявших в XVII в. сторожевую службу на южных окраинах государства. Их землевладение первоначально подчинялось нормам поместного права. В 1724 г. однодворцы были причислены к государственным крестьянам¹⁰. По данным I ревизии (1719 г.), в ряде северных уездов, заселение которых происходило в XVII в., население состояло преимущественно из однодворцев. К концу XVIII в., по данным IV ревизии (1782 г.), в связи с распространением помещичьего землевладения, а также появлением экономических и двorcовых крестьян удельный вес однодворцев уменьшился. Наибольший процент населения они состав-

⁴ Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1969, с. 37, 42, 50, 128.

⁵ Германов Г. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губернии. — Зап. Русск. геогр. о-ва, кн. XII. Спб., 1857, с. 274, 275, 280, 285.

⁶ Халимонов А. Д. Острогжск. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1978, с. 4—6.

⁷ Скиада М. М. Войсковые обыватели Воронежской губернии. — Памятная книжка Воронежской губернии на 1865—1866 гг. Воронеж, 1867, с. 121; Второв Н. О заселении Воронежской губернии. — В кн.: Воронежская беседа на 1861 год. Спб., 1861, с. 262—265.

⁸ Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика численности и расселения русского этноса (1678—1917 гг.). — Сов. этнография, 1982, № 4, с. 21.

⁹ Подробнее см.: Очерки истории Воронежского края. Т. I. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1961, с. 127—132.

¹⁰ См. Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. Воронеж: Воронежский пед. ин-т, 1974.

ляли на севере и в центре правобережья Дона — в Нижнедевицком (75%), Воронежском (60%), Землянском (58%) и Коротоякском (45%) уездах¹¹. Большинство обследованных нами русских сел в прошлом были однодворческими.

Существовавшие в эпоху феодализма сословные различия крестьян и своеобразие их этнического состава отражались на культурно-бытовом развитии населения в последующие периоды. У русского населения отдельных (мелких или более крупных) ареалов формировались локализмы в говорах, одежде и других компонентах культуры, следствием чего явились особые этнонимы для жителей тех или иных районов. По данным местных краеведов второй половины XIX — начала XX в., в восточной половине Нижнедевицкого и в западных правобережных районах Коротоякского уездов однодворцев называли *щекунами* или *талагаями*¹². Однодворцам-талагаям в Коротоякском уезде противопоставлялись бывшие монастырские, позднее экономические крестьяне, жившие по левобережью Дона в бассейне р. Хворостань, которых называли *цуканами*. Эта группа населения переселилась сюда во второй половине XVIII в. из Московской, Калужской и других центральных губерний и отличалась от местных однодворцев по говору, наружности и одежде¹³. В Ясеновской волости Нижнедевицкого уезда, в селах Першино, Ясенки, Кучугуры, Богородицкое, Ключи, Горшечное и др., исследователи прошлого века выделяли однодворческую группу населения, которую по особенностям говора называли *ягунами*. По свидетельству местного краеведа середины XIX в., ягуны сильно отличались от живших в соседних селах (Новая Ольшанка, Верхнее Турово, Нижнее Турово и др.) щекунов «в наречии, в наружности и более всего в покрое одежды», жили эти группы обособленно друг от друга¹⁴. Последние две группы населения имели различия в некоторых бытовых чертах, наиболее четко они прослеживались в традиционном женском костюме. Сами наименования ягуны, щекуны, цуканы в настоящее время сохранились в памяти лишь старшего поколения.

Особенности национального состава населения Воронежской области сложились, как мы видели выше, в результате миграционных процессов. Численное преобладание в южных уездах губернии украинцев, а в северных — русских, создавшееся еще в XVII—XVIII вв., длительное время оставалось неизменным. Соотношение русских и украинцев на исследуемой территории, тенденции их этнического развития с конца XIX в. до наших дней показывают данные статистики.

По материалам первой Всеобщей переписи населения в 1897 г., среди сельского населения Воронежской губернии русский язык считали родным 63,3%, а украинский — 36,2% населения¹⁵. Русское население преобладало в северных, центральных и восточных уездах: в Задонском (99,9%), Нижнедевицком (98,9%), Воронежском (98,3%), Землянском (96,2%), Новохоперском (84,6%), Коротоякском (83,4%), Бобровском (83,2%). Более всего лиц, считавших родным языком украинский, проживало в южных уездах: Острогожском (90,3%), Богучарском (81,8%) и Бирючинском (70,7%)¹⁶. Эти уезды были расположены на территории

¹¹ Проторчина В. М. К истории воронежских однодворцев в XVIII веке. — Изв. Воронежск. гос. пед. ин-та, 1955, т. XIX, с. 107—108.

¹² По мнению Д. К. Зеленина, слово это занесено в Воронеж переселенцами с севера, в Ружском уезде оно, например, означало «упрямец», «своенравный». — См.: Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. Спб., 1913, с. 77; Второв Н. Указ. раб., с. 269; Архив Географического общества (далее АГО), р. 9, оп. 1, ед. хр. 15.

¹³ АГО, р. 9, оп. 1, ед. хр. 19, 27; Зеленин Д. К. Указ. раб., с. 80—86.

¹⁴ АГО, р. 9, оп. 1, ед. хр. 50; Зеленин Д. К. Указ. раб., с. 92, 96—98.

¹⁵ В переписи населения 1897 г. учитывалась не национальность, а родной язык, который, особенно в сельской местности, обычно совпадал с национальностью.

¹⁶ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. IX. Воронежская губерния. Спб., 1903, тетрадь 2, с. VI (Территория бывшего Бирючинского, а также Валуйского уездов по современному административному делению относится к Белгородской области).

бывшего Острогожского казачьего полка. Здесь украинцы жили сплошным этническим массивом, который граничил с юго-запада с украинскими и русскими поселениями Харьковской губернии. Русские поселения в этих уездах встречались на севере Острогожского уезда и занимали компактную территорию севернее р. Тихой Сосны в Бирючинском уезде. В двух уездах — Павловском и Валуйском — украинский назвала родным языком почти половина всего сельского населения (41,9 и 51,1%)¹⁷. Украинские и русские поселения в этих уездах нередко располагались вперемежку, были также и национально-смешанные селения. Украинские поселения встречались и в некоторых волостях более северных «русских» уездов. Так, в Землянском уезде украинцы (3,7% сельского населения) жили в Ендовищенской волости. Они были потомками казаков Гвоздевско-Ендовищенского казачьего войска — самого первого украинского поселения на Воронежской земле. Интересно, что украинцы из сел Ендовищ, Шумейки, Латаного и Точилина еще в 1920-е годы сохраняли свою самобытность. В то же время жители двух других сел, основанных ендовищенскими казаками, — Касторного и Гвоздевки — полностью обрусели и говорили на «местном русском наречии»¹⁸.

По материалам Всесоюзной переписи 1926 г., среди сельского населения Воронежской губернии насчитывалось 33,2% украинцев. Поуездную статистику за период с 1897 по 1926 г. сравнить трудно, поскольку значительно изменились административные границы уездов. Тем не менее можно констатировать, что сплошной украинский этнический массив по-прежнему находился в южных уездах губернии. В Россошанском уезде (южная территория бывшего Острогожского уезда) украинцы составили 90,9% всего сельского населения, в Богучарском — 72,7, в Валуйском — 54,8, в Острогожском — 50,4%¹⁹.

Значительное уменьшение доли украинцев в сельском населении Воронежской области произошло в послевоенные годы. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., русские составляли 90,9%, а украинцы — только 8,7% всего сельского населения Воронежской области²⁰, что отчасти можно объяснить изменением административных границ исследуемой территории.

По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г., украинцы составили 7,6% всего сельского населения Воронежской области²¹. Материалы Всесоюзной переписи населения 1979 г. показали только 5,4% украинцев среди всего населения области²². В настоящее время украинцами продолжают себя называть лишь жители юго-западных районов области: Подгоренского и Кантемировского (~40%), Ольховатского и Россошанского (~90%). Эти районы входили прежде в состав Острогожского и Богучарского уездов, и именно на этой территории по данным переписи 1897 г. была расположена сравнительно компактная зона украинских поселений.

Как свидетельствуют данные Всесоюзных переписей населения последних десятилетий, а также материалы полевых этнографических исследований, в настоящее время большинство жителей Воронежской области называют себя русскими.

Изменения в определении национальной принадлежности лицами украинского происхождения, произошедшие на территории Воронежской области за сравнительно короткий отрезок времени, были обусловлены сложной совокупностью причин. Проведение ленинской национальной политики, индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, социалистическое строительство, усиление урбанизации, рост подвижно-

¹⁷ Там же, с. VI.

¹⁸ Архив АН СССР (Ленингр. отд.), ф. 135, оп. 2, ед. хр. 175, л. 10—11.

¹⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. III, отдел 1. М.: Изд. ЦСУ СССР, табл. VI — с. 19, табл. X — с. 72—73 (проценты вычислены нами).

²⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963, табл. 54, с. 368 (проценты вычислены нами).

²¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IV. М.: Статистика, 1973, табл. 6, с. 83 (проценты вычислены нами).

²² Вестник статистики, 1980, № 7, табл. 4, с. 57.

сти населения, увеличение дисперсности в расселении — эти и многие другие факторы способствовали созданию экономического и культурного единства всего населения, утверждению новых форм межэтнических отношений и взаимодействий, закономерных для социалистического общества. Процесс этот облегчался давней родственной языковой и культурной близостью русских и украинцев.

Большое значение имел фактор расселения. Важную роль в формировании современного национального самосознания жителей украинского происхождения сыграло то, что Воронежская область, где всегда преобладало русское население, входит в состав Российской Федерации. При определении национальности нередко решающими становятся место рождения и район длительного проживания. Важное значение этого фактора мы наблюдали также в восточных и южных областях Украины, где происходили обратные процессы: изменялось национальное самосознание русских, живущих среди численно превосходящих их украинцев²³.

Процессы этнического смешения населения на территории Воронежской области, как и в других районах русско-украинского пограничья, значительно сильнее выражены в местах дисперсного расселения украинцев среди русских, а также в тех селах, где вместе издавна жили и русские, и украинцы. Здесь уже до Великой Октябрьской социалистической революции нередко заключались национально-смешанные браки, постепенно нарушалась обособленность, происходило интенсивное сближение говоров и быта местных жителей. В этих районах (например, в Павловском, Бутурлиновском, Репьевском) быстрее трансформировалось национальное самосознание у украинских групп населения, что ярко отразилось уже во Всесоюзной переписи населения 1959 г. В настоящее время, как показали этнографические наблюдения, процессы изменения национального самосознания активно развиваются и в юго-западных районах со сравнительно компактными украинскими поселениями. Так, например, в одном из юго-западных районов — в Подгоренском, где в 1979 г. почти половина сельского населения назвала себя украинцами, многие потомки украинских переселенцев затрудняются определить свою национальную принадлежность: одни называют себя русскими, другие — украинцами. До настоящего времени по отношению к жителям сел, где преобладает население украинского происхождения, употребляется этноним *хохол*, широко распространенный в прошлом²⁴.

Изменение национального самосознания отражает изменения в других объективных определителях этнических групп, прежде всего в языке. Местные говоры на территории Воронежской области формировались в условиях тесного общения русских и украинцев. Взаимопроникновение русских и украинских говоров, по-видимому, началось вскоре после заселения этих районов. За годы существования Советской власти значительно усилились процессы взаимодействия и взаимообогащения русского и украинского говоров, а также развитие бытового двуязычия, что обусловлено широким распространением различных видов русско-украинских контактов. В последнее время местные говоры как с южнорусской основой, так и с украинской подвергаются заметному влиянию русского литературного языка. Во всех школах Воронежской

²³ Чижикова Л. Н. Об этнических процессах в восточных районах Украины. — Сов. этнография, 1968, № 1, с. 23, 24; *ее же*. Русско-украинские этнокультурные связи в южных районах Украины. — В кн.: Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М.: Наука, 1979, с. 19, 20.

²⁴ В Воронежской губ., как и во многих других районах поздней украинской колонизации, выходцев из Украины называли хохлами. Украинцы русских именовали *москалями*, *кацапами*. Эти наименования благодаря их широкому распространению и устойчивому бытованию превратились в своеобразные этнонимы, потеряв характер обидного прозвища (*П-ский Б.* Воронежские хохлы. — Киевская старина, т. XI, Киев, апрель, 1885, с. 632—633; Кубанские станицы. М.: Наука, 1967, с. 31—32).

области обучение всегда велось и ведется на русском языке. Поэтому потомки переселенцев с Украины хуже понимают украинский литературный язык, чем русский. Книги и газеты они предпочитают читать на русском языке, который считают родным.

В этнически смешанной зоне с преобладающим русским населением, где издавна влияли друг на друга генетически родственные русские и украинские говоры, развитие русского языка шло естественным путем. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., преобладающее большинство сельских жителей Воронежской области, в том числе 82,4% украинцев называло родным языком русский²⁵. Примерно такая же этноязыковая ситуация сохранялась и в последующих переписях, с некоторым возрастанием доли лиц, считающих родным языком русский, в том числе и среди жителей, называющих себя украинцами²⁶.

По нашим наблюдениям, во многих украинских селах, в том числе и тех, где жители называют себя русскими и родным считают русский язык, еще сохраняются говоры с украинской основой при весьма заметном влиянии местных южнорусских говоров и русского литературного языка. В одних селах украинские говоры бытуют преимущественно среди людей пожилого возраста, в других стойко держатся во всех возрастных группах. Последнее особенно характерно для юго-западных районов Воронежской области, где, как указывалось выше, была расположена более компактная зона украинских поселений. Так, в селениях Подгоренского района почти всюду наблюдается двуязычие, т. е. более или менее свободное владение местным украинским диалектом и русским языком, близким к литературной норме²⁷.

Таким образом, как свидетельствуют этнографические материалы, на определение национальной принадлежности в обследованных районах влияют следующие факторы: компактность заселения и численность национальной группы, этническая среда, ее окружающая, степень этнических смещений, активность хозяйственно-культурного общения и взаимовлияния, проживание на территории РСФСР, обуславливающее язык местного делопроизводства и обучения в школе.

Традиционно-бытовая культура, сформировавшаяся на исследуемой территории ко второй половине XIX в., представляла собой сложный сплав одновременно возникавших компонентов. Длительные миграционные процессы, происходившие на данной территории, и разнородный этнический, сословный и социальный состав населения не могли не отразиться на формировании локальных, специфических этнографических особенностей у разных групп населения этих районов. Вместе с тем на традиционно-бытовую культуру влияли родственное происхождение русских и украинцев, сходные социально-экономические и природные условия их жизни, активные экономические контакты, непосредственное взаимовлияние культур в районах смешанного русско-украинского расселения. Эти факторы способствовали выработке культурной общности населения.

В результате взаимодействия разнообразных факторов в быту различных этнических групп сформировалось сложное сочетание общих и этноспецифических особенностей, по-разному выраженных в отдельных сферах бытовой культуры.

Культурные взаимовлияния между русскими и украинцами отчетливо прослеживаются в развитии традиционного жилища. На юге в Острожском, Богучарском, Валуйском, частично в Павловском и Бирючинском уездах бытовало жилище, основные особенности которого были характерны также для Харьковской и южной части Курской губер-

²⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г., табл. 54, с. 368 (проценты вычислены нами).

²⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., табл. 6, с. 83.— Вестн. статистики, 1980, № 7, с. 57.

²⁷ Архив Ин-та этнографии АН СССР. Материалы Южнорусского отряда Восточнославянской экспедиции (далее АИЭ МЮОВЭ), 1980, л. 401—403.

ний²⁸. В зоне русско-украинского пограничья, в русских и в украинских селениях сложился тип жилища, в котором прослеживались черты построек лесостепной Украины и пограничных южнорусских районов²⁹. Срубные стены домов здесь снаружи и изнутри обмазывали глиной и белили — традиция, типичная для Восточной Украины. Бытовала планировка внутреннего помещения хаты, называемая в литературе «украинско-белорусской», «западно-русской»³⁰. Она была распространена по всей территории Украины и Белоруссии, в западных русских губерниях, в Кубанской и Терской областях, на юге Курской губернии.

В более северных уездах — Нижнедевицком, Задонском, Землянском, Воронежском, Бобровском, северной части Бирючинского — сложился другой тип жилища³¹, который этнографы относят к южнорусскому комплексу жилища восточного варианта. Он бытовал также в соседней Тамбовской, частично в Пензенской, Рязанской, Тульской губерниях³². В северных районах влияние украинского домостроительства сказывалось меньше³³.

Центральные уезды Воронежской губернии — Коротоякский, частично Бобровский — были, по-видимому, переходной зоной между двумя отмеченными типами жилища. Полевые записи Е. Э. Бломквист, сделанные в 1920-е годы в русских селах Оськино, Сторожевое, Мастюгино, Платава, Прилепы (Коротоякский уезд), свидетельствуют, что в этот период здесь бытовали оба типа жилища. Так, в селе Прилепы, где в 1927 г. уже преобладала украинская планировка хаты, по сообщениям старожилов, в конце XIX в. больше строилось домов с южнорусской планировкой³⁴. В этих районах, по-видимому, дома с украинской планировкой постепенно распространялись с юга на север и вытесняли южнорусский тип жилища.

Общие традиции, в равной мере свойственные и русским, и украинцам, прослеживались на этой территории в пище, в некоторых элементах одежды, в отдельных особенностях семейного быта, обрядах. Многие черты сложившейся в обследованных районах культурно-бытовой общности были свойственны всем восточным славянам и свидетельствуют об общем их происхождении. Эта общность восходит еще к периодам раннего и развитого феодализма, например техника сооружения срубного жилища, двухкамерный план жилого дома, приемы и способы тканья, вышивки, крашения тканей, мужская туникообразная рубаша с прямым разрезом ворота, женская рубаша с поликами и рукавами, типы девичьих и мужских головных уборов, украшения из бисера и птичьих перьев, верхняя плащевидная одежда и др.³⁵ К древности восходят и многие обычаи свадьбы, в частности знакомство родственников жениха и невесты, обряды «свода» (соединения) жениха и невесты, состав свадебных чинов и свадебного поезда жениха, выкуп невесты, обряд наде-

²⁸ АГО, р. 9, оп. 1, ед. хр. 9; *Веселовский Г. М.* Город Острогожск (Воронежской губернии) и его уезд. Воронеж, 1867, с. 142—144; *Ткачев Г.* Этнографические очерки Богучарского уезда.— В кн.: Памятная книжка Воронежской губернии на 1865—1866 г. Воронеж, 1867, с. 162—164.

²⁹ Подробнее см.: *Чижикова Л. Н.* Развитие жилища в селах Белгородской области.— В кн.: Полевые исследования Института этнографии, 1979. М., 1982; *ее же.* Жилище русских.— В кн.: Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище. М.: Наука, 1979, с. 57—61, 77.

³⁰ АИЭ МЮОВЭ, 1977, л. 203—204; 1980, л. 317, 323; АГО, р. 9, оп. 1, ед. хр. 32, л. 10; ед. хр. 54, л. 2; *Ткачев Г.* Указ. раб., с. 161—164.

³¹ АГО, р. 9, оп. 1, ед. хр. 4, 16, 55, 63, 66.

³² Об этом комплексе жилища см.: Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1967, с. 154, карта 26.

³³ См.: *Малыхин П.* Город Нижнедевицк и его уезд.— В кн.: Воронежский литературный сборник. В. 1. Воронеж, 1861, с. 275.

³⁴ АИЭ, Ленингр. отд., ф. 10, оп. 1, ед. хр. 2. Материалы Е. Э. Бломквист, л. 1—5, 19, 28, 45, 49, 92.

³⁵ См.: *Маслова Г. С.* Историко-культурные связи русских и украинцев по данным народной одежды.— Сов. этнография, 1954, с. 43, 49, 52—54; *Приходько Н. П.* Некоторые вопросы истории жилища на Украине.— В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М.: Наука, 1975, с. 248, 249, 263—264; *Рабинович М. Г.* Русское жилище в XIII—XVII вв.— Там же, с. 164—166, 177—187.

вания на нее женского головного убора — «повивание», обсыпание молодых хмелем и зерном, публичное одаривание, «постельные» обряды и др.³⁶

Некоторые традиции, общие для русских и украинцев, сложились сравнительно поздно, после заселения русско-украинского пограничья в XVII—XVIII вв., и в значительной степени отражают процессы межкультурной интеграции и этнокультурных взаимовлияний. Эти взаимовлияния заметно проявлялись в земледельческой технике и жилище (одинаковые орудия пахоты, уборки, молотбы, обмазка сруба глиной и побелка, развитие украинско-белорусской внутренней планировки, характер расположения дома по отношению к улице и др.), а также в пище, некоторых деталях одежды и др.

Формирование общих традиций регионального характера прослеживается в отдельных компонентах свадебного обряда. В XIX в. на данной территории отмечались различия в последовательности обрядов главного дня свадьбы. В большинстве русских сел, как и в районах северной и среднерусской полосы России, а также во многих южнорусских уездах, акт венчания был органично включен в систему народных свадебных обрядов³⁷. В украинских селах Воронежской губернии, по данным литературы и архивных источников, бытовал другой вариант порядка свадебных действий, распространенный в XIX в. на значительной территории Украины и в некоторых русских селах южнорусских губерний³⁸. Венчание совершалось до свадьбы (иногда за несколько дней до нее), и только после возвращения жениха и невесты из церкви в родительские дома жених снаряжал торжественный свадебный поезд за невестой, основные обряды этого дня происходили в доме невесты³⁹.

Интересно, что в начале XX в., по данным информаторов старшего возраста, в обследованных украинских селах Сергеевка, Сагуны, Должик (бывший Острогожский уезд) соблюдался также и описанный выше порядок свадьбы, характерный для большинства районов северной и среднерусской полосы России⁴⁰. В то же время старожилы обследованных русских сел Першино, Новая Ольшанка (б. Нижнедевицкий уезд), Шубное, Коротояк, Солдатское (б. Острогожский и Коротоякский уезды) отмечали последовательность обрядов главного дня свадьбы, более характерную для украинцев⁴¹. По-видимому, это объясняется активными процессами культурных взаимовлияний в начале XX в. в районах чересполосного русско-украинского расселения. Теми же причинами объясняются широкое бытование в русских селах «каравайного» ритуала и многие обрядовые действия послесвадебного цикла, типичные для украинцев, а также появление в некоторых украинских селах (Должик, Сергеевка, Сагуны и др.) обычая кладки (денежный взнос от жениха на свадебные расходы родителям невесты), более характерного для русских⁴².

В то же время в свадьбе потомков украинских переселенцев сохранялась этническая специфика, придававшая свадьбе типично украинскую окраску. Это особенно ярко проявлялось в предсвадебных обря-

³⁶ См.: Козаченко А. И. К истории великорусского свадебного обряда. — Сов. этнография, 1957, № 1, с. 58—60; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М.: Наука, 1978, с. 225—240.

³⁷ АГО, р. 9, оп. 1, ед. хр. 19, лл. 5—6; ед. хр. 25, л. 3; ед. хр. 27, лл. 7—9; Поликарпов Ф. Бытовые черты из жизни крестьян села Истобного Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии. — В кн.: Памятная книжка Воронежской губернии на 1906 г. Воронеж, 1906, с. 14—16.

³⁸ См.: Чистов К. В. Типологические проблемы изучения восточнославянского свадебного обряда. — В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979, с. 228—229.

³⁹ Веселовский Г. М. Указ. раб., с. 133—141; Ткачев Г. Указ. раб., с. 200—214; Яковлев Г. Пословицы, поговорки, крылатые слова, приметы и поверья, собранные в слободе Сагунах Острогожского уезда. — Живая старина, в. IV, 1906, с. 176; АГО, р. 9, оп. 1, ед. хр. 51, лл. 3—6; ед. хр. 54, лл. 9—10; ед. хр. 32, л. 14.

⁴⁰ АИЭ МЮОВЭ, 1980, лл. 312, 313, 365—366, 370, 372.

⁴¹ Там же, лл. 41, 58, 59, 183—186, 232—236, 273.

⁴² Яковлев Г. Указ. раб., с. 176; АГО, р. 9, оп. 1, ед. хр. 32, л. 13; АИЭ МЮОВЭ, 1980, л. 365.

дах (на платки, сватання, заручини, могорич). По своим функциям они не отличались от русского *пропоя* или *сговора*, т. е. играли роль помолвки, но имели и особенности: гостей на этот вечер (так же как и позднее на свадьбу) созывала невеста с венком на голове, которую сопровождали *дружки*, угощение ставили родственники невесты (у русских родители жениха привозили в дом невесты полный обед). Здесь, как и во многих районах Украины, невеста одаривала платками или рушниками ближайших родственников жениха. Согласно традиции, характерной для украинцев, проходили молодежные вечера накануне свадьбы (*вечерины, дружбины, підвесілок*), насыщенные песнями и обрядами. Украинская специфика проявлялась также в обычае прятать невесту перед прибытием поезда жениха в доме у соседей, в послесвадебных обрядах (*перезва*), в более жизнерадостном игровом характере всей свадьбы, в свадебных песнях, в терминологии свадебных чинов, отдельных элементов обряда и др.⁴³

Этнодифференцирующие свойства хорошо прослеживаются в таком сравнительно устойчивом компоненте культуры, как женская одежда, в которой отразились сложные напластования, свидетельствующие об этническом и сословном своеобразии населения в прошлом.

В большинстве русских сел Воронежской губернии бытовал комплекс одежды с поневой — одним из наиболее древних элементов русской одежды, которая в XIX в. была характерна главным образом для южнорусских губерний. Интересно, что здесь понева была основной поясной одеждой у всех категорий крестьянства. Если, например, в соседней Курской губернии для женской одежды бывших однодворцев были более характерны сарафан и домотканая юбка, а поневы бытовали у бывших помещичьих и монастырских крестьян⁴⁴, то в Воронежской губернии, наоборот, потомки однодворцев ходили в поневах и в домотканых шерстяных юбках, сарафан же чаще носили бывшие монастырские и помещичьи крестьяне⁴⁵. Сарафан, как известно, первоначально был характерен для северных и центральных губерний России. В Курской губернии он появился, по-видимому, в XVI—XVII вв. вместе с переселением сюда русских служилых людей из центральных губерний России. Воронежская губерния, бывшая до конца XVII в. далекой окраиной Московского государства, первоначально осваивалась служилыми людьми, переводимыми часто из других южнорусских районов, заселенных ранее воронежских земель. Поэтому, видимо, в одежде воронежских однодворцев сильнее проявлялось влияние южнорусского костюма. Монастырские и помещичьи крестьяне появились в воронежских землях в большинстве случаев позднее служилых людей. Многие из них, как указывалось выше, были выходцами из центральных губерний России. Они принесли с собой сарафан, кокошник и другие элементы одежды, характерной для этих губерний⁴⁶. Традиция ношения домотканой шерстяной юбки, более типичная для украинцев, белорусов, народов Прибалтики и Центральной Европы, на территорию Воронежской губернии, как и в другие южнорусские районы, могла быть принесена служилым населением из западных губерний. Полосатая и однотонная шерстяные юбки наиболее распространены были в бывших однодворческих селах северных уездов Воронежской губернии⁴⁷.

⁴³ Ткачев Г. Указ. раб., с. 189—214; Веселовский Г. М. Указ. раб., с. 132—141; Яковлев Г. Указ. раб., с. 177—183; АИЭ МЮОВЭ, 1980, лл. 367, 353—358, 371—374.

⁴⁴ Доброворский Н. Саяны. Историко-этнографический очерк.— Вестн. Европы, 1888, т. V, с. 208; Чижикова Л. Н. Этнические аспекты материальной культуры населения юго-западных районов Курской области.— Сов. этнография, 1978, № 4, с. 83—85.

⁴⁵ Гринкова Н. П. Однодворческая одежда Коротоякского уезда Воронежской губернии.— Изв. Пед. ин-та им. А. И. Герцена (Л.), 1928, в. 1, с. 153—158; *ее же*. Женская одежда в бывших однодворческих селах Задонского и Землянского районов Воронежской области.— Сов. этнография, 1937, № 1, с. 141—143.

⁴⁶ АГО, р. 9, оп. 1, ед. хр. 27, л. 3; ед. хр. 10, л. 3; ГМЭ, колл. № 424—205, 217; Путинцев А. О говоре в местности «Хворостань» Воронежской губернии.— Живая старина, 1906, в. 1, с. 96.

⁴⁷ Гринкова Н. П. Женская одежда..., с. 141—143; АГО, р. 9, оп. 1, ед. хр. 16, 66; ГМЭ, колл. № 465—26, 28; 587—1, 13; 3159—6, 13; ВОКМ, колл. № 4889.

В воронежских русских селах в XIX — начале XX в. наблюдались значительные различия в покрое, украшениях, цветовых сочетаниях поев, юбок, рубаш, передников, головных уборов. Отдельные виды этой одежды имели сравнительно широкий ареал бытования и за пределами региона. Однако костюм в целом (или комплекс одежды) характеризовался своеобразными чертами, являясь местной особенностью населения тех или иных районов Воронежской области⁴⁸. Это отражает сложные исторические и социально-экономические условия формирования отдельных групп населения в прошлом.

Как показали исследования в целом, в воронежских русских костюмах преобладали древние элементы, характерные для южнорусской одежды: женская рубаша с косыми или прямыми поликами, пришитыми по основе; глухая понева; сложный головной убор, состоящий из кички, сороки и платка; туникообразный передник с рукавами; украшения из бисера, разноцветного гаруса, селезневых, петушиных перьев; своеобразная яркая, построенная на контрастных сочетаниях цветовая гамма и др. Более поздний пласт составляли виды одежды, принесенные, по-видимому, переселенцами из центральных и отчасти западных губерний России (разные типы сарафанов, домотканых шерстяных юбок, головной убор с кокошником и др.).

В украинских селах в начале XIX в. преобладал украинский национальный костюм. Однако в украинских слободах, где в XIX в. интенсивно развивались ремесла и мелкие промышленные предприятия, значительно раньше, чем во многих русских селах, началось разрушение традиционных форм одежды и появление черт костюма, более свойственного в это время городскому населению. Национальная украинская одежда: *рубаша* с прямыми поликами, пришитыми по утку, *дерга*, *запаса*, *пахта* (несшитая или частично сшитая поясная одежда), *очипок* в конце XIX — начале XX в. все чаще заменялись рубашкой на кокетке, кофтой, юбкой и платком из фабричных тканей. Уже с середины XIX в. корреспонденты в своих сообщениях с мест квалифицируют дергу, запаску, пахту как одежду, уходящую из быта, которая «редко употребляется», носится в будни, чаще пожилыми женщинами⁴⁹. В обследованных нами украинских селах информаторы в большинстве случаев не помнят старинную поясную одежду из домотканины. Только в отдельных селах старожилы называли дергу и запаску как одежду бабушек, реже матерей⁵⁰.

Во второй половине XIX — начале XX в. с развитием капиталистических отношений в деревне, с одной стороны, усиливаются процессы унификации быта, появляются новые черты культуры, общие для широкого круга народов. С другой стороны, возникают различия, порожденные растущей имущественной дифференциацией сельского населения. В более состоятельных крестьянских хозяйствах появляются усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и машины, улучшается строительная техника, усложняется планировка домов за счет добавочных комнат (пятистенки, дома с прирубами, многокомнатные дома и др.).

За годы Советской власти в ходе осуществления социальных и экономических преобразований вместе с общим подъемом материального благосостояния и культурного уровня происходит дальнейшее развитие национальной культуры.

По мере расширения и углубления хозяйственно-экономических и культурных межэтнических контактов происходит активный процесс бытового и культурного сближения этнических групп, сопровождающийся постепенной нивелировкой прежних локальных особенностей быта, унификацией и стандартизацией в сфере материального производства и потребления. Внедрение в быт широких масс не только городского, но

⁴⁸ Описание местных комплексов русской одежды см.: АИЭ МЮОВЭ, *Чижикова Л. Н.* Научный отчет о работе Южнорусского отряда в 1980 г., с. 11—23.

⁴⁹ АГО, р. 9, оп. 1, ед. хр. 19, л. 5; *Веселовский Г. М.* Указ. раб., с. 147; *Ткачев Г.* Указ. раб., с. 171 и др.; АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, ед. хр. 113, л. 14.

⁵⁰ АИЭ МЮОВЭ, 1980, л. 385.

и сельского населения различных видов профессиональной культуры через школу, литературу, кино, радио, телевидение за счет сужения функций традиционных бытовых форм культуры также способствует культурному сближению русских и украинцев.

Новые культурно-бытовые особенности, сложившиеся за годы социалистического строительства, в равной степени характерны и для русских и для украинских сел; ими в первую очередь определяется современный образ жизни сельского населения. Общие закономерности развития социалистического общества стимулируют формирование общесоветских черт культуры, которые становятся характерными для всех народов СССР, свидетельствуют об интеграции советского народа.

Развитие общесоветских черт культуры не исключает сохранения ее национальных форм. Степень устойчивости этнической традиции проявляется по-разному в отдельных элементах материальной и духовной культуры русского и украинского населения и зависит от сложного сочетания факторов социально-экономического, этнического и психологического характера.

Продолжают сохраняться общие культурные традиции регионального свойства, характерные в прошлом как для русского, так и для украинского населения данных районов. Преобладающим типом сельского жилища повсюду остается одноквартирный дом в сочетании с дворовыми постройками и приусадебным участком. В индивидуальном сельском жилищном строительстве часто используются местные строительные материалы и локальные технические приемы возведения стен срубных, каркасных, саманных построек, обмазка стен глиной и побелка, некоторые детали внутреннего убранства комнат. Отмечается устойчивость народных традиций в приготовлении пищи, режиме питания, ассортименте блюд. В повседневную и праздничную трапезу наряду с новыми, общераспространенными в последние десятилетия кушаньями включаются и традиционные для русской и украинской кухни этих районов борщ, *кулеш* (жидкая пшенная каша с картофелем, луком и салом), лапша, студень, вареники, пироги, блины, *пампушки* (сдобные пресные лепешки), компоты, кисели и др. Прежней остается и функциональная направленность обрядового, ритуального питания. Так, на свадьбу повсюду выпекают *каравай* — круглый большой хлеб, украшенный фигурками из теста, и *шишки* — булочки, по форме напоминающие сосновые шишки. Как и раньше, с пирогом ходят на сватовство, караваем украшают свадебный стол и оделяют гостей во время одаривания молодых, с караваем (или пирогом) встречают молодых в доме жениха, шишками угощают всех гостей. В Воронежской области, как и в других районах русско-украинского пограничья, в современной свадьбе сохраняется значительная часть обрядов, сложившихся в далеком прошлом⁵¹.

Все перечисленные выше, как и многие другие, компоненты культуры, сформировавшиеся в разное время, в определенных природных и социально-экономических условиях, в процессе длительного этнокультурного взаимодействия и взаимовлияния, передаваясь из поколения в поколение, стали традиционными для всех обследованных групп населения, что отражает межэтническую интеграцию.

Значительно сузилась сфера проявления этнодифференцирующих функций культуры. Специфические этнические особенности русских и украинских групп населения в большей мере продолжают сохраняться в говорах, в народно-поэтическом творчестве, в свадебной обрядности, в отдельных видах народного искусства. Один из наиболее «этнических» в прошлом компонентов культуры — одежда под воздействием городской моды и распространения в сельской местности фабрично-заводских изделий стал наиболее изменчивым элементом. Вместе с тем, как показа-

⁵¹ Чижикова Л. Н. Этнические традиции в современной свадебной обрядности сельского населения этноконтактной зоны (на примере Белгородской области). — Сов. этнография, 1980, № 2, с. 15—24.

ли экспедиционные обследования, в отдельных русских селах (Першино, Новая Ольшанка, Андреевка Нижнедевицкого района, Шубное, Терновое Острогожского района и особенно Ерышевка Павловского района, Пузево, Гвазда Бутурлиновского района) во многих семьях имеется полный комплекс традиционной женской одежды, который еще и в 1920—1930-е годы служил здесь повседневной одеждой. С 1960-х годов происходит процесс как бы вторичного возрождения традиционной одежды: стало модным надевать ее в праздник и на свадьбу. Старинный костюм широко используется и местными самодельными фольклорными коллективами. Это характерно также и для обследованных нами ранее русских сел Белгородской и Курской областей. До настоящего времени в традиционных формах одежды здесь хорошо прослеживаются многообразные локальные варианты ее, характерные для данных районов в прошлом.

Этническое своеобразие традиционной культуры украинских групп населения сохраняется благодаря их особой приверженности к национальной кулинарии, национальному народному искусству, национальным свадебным торжествам. В современной украинской свадьбе, например, продолжают участвовать под прежними названиями традиционные свадебные чины. Женитьба не обходится без сватовства, в котором хотя и модифицированно, но сохраняется традиционная линия поведения сватов, иносказательная манера обращения их к родителям невесты и т. п. По старинным обычаям совершаются предсвадебные обряды (сватання, могорич), по-прежнему неоднократно в домах жениха и невесты одаривают ближайших родственников платками, рушниками, отрезами тканей, прячут и отыскивают невесту и др.

Изученные материалы показывают, что общий процесс современного этнокультурного развития населения Воронежской области сложен и противоречив. В группах жителей украинского происхождения выявляется тенденция к слиянию с преобладающим по численности русским населением. Эта тенденция прослеживается в таких важных этнических определителях, как язык и национальное самосознание. Вместе с тем именно в языке — в этнонимах, в местных диалектах, как и в некоторых компонентах бытовой культуры, довольно стойко сохраняется украинское своеобразие. Одновременно с утратой части отживших традиционных элементов повседневной культуры сельского населения развиваются ее современные урбанизированные формы, происходит взаимное проникновение инноваций и национальных традиций прошлого. Значительно усилившиеся в последние десятилетия процессы культурных взаимовлияний способствуют дальнейшему этническому сближению групп русского и украинского населения Воронежской области. Современная бытовая культура в районах русско-украинского пограничья отличается определенной этнорегиональной спецификой, и в то же время в ней отражаются общие закономерности этнокультурного развития народов Советского Союза в эпоху зрелого социализма.

Т. А. Николаева

НАРОДНЫЕ КОНСТРУКТИВНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРИЕМЫ В ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ВЕСЕННЕ-ОСЕННЕЙ ВЕРХНЕЙ ОДЕЖДЕ УКРАИНЦЕВ

Изменения в традиционной одежде, происходящие в советский период, обусловлены рядом причин, в частности характером и направленностью процесса взаимодействия культуры и быта братских советских народов. Поставленная в настоящее время задача — «сделать еще более плодотворным взаимное обогащение культур, открыть всем людям еще более широкий доступ ко всему лучшему, что дает культура каждого из